

5. Гортыхов Ю.Ф., Шигапов З.Г., Гайфуллин Р.Н., Хабибуллин И.Ф., Бакаев А.В., Гортыхов П.Ю., Васильев В.Л. Разработка и реализация стратегии инновационного развития технического вуза (на примере Казанского государственного технического университета им. А.Н.Туполева) // Инновации. 2007. №4. С. 9–14.
6. Гафуров И.Р., Васильев В.Л. Анализ функционирования и перспектив развития региональной инновационной системы Татарстана // Инновации. 2008. №4. С. 78–83.
7. Васильев В.Л., Шигапов З.Г., Хабибуллин И.Ф., Гайфуллин Р.Н., Бакаев А.В. Организационно-экономические механизмы финансирования инновационной деятельности высшей школы // Инновации. 2007. №5. С. 51–56.
8. Шаймиева Э.Ш. Методология формирования, развития и управления технологическими инновациями в процессе модернизации промышленности мезосистем // Автореферат дисс. на соиск. учен. степ. докт. экон. наук. Казань, 2012.
9. Шигапов З.Г., Васильев В.Л. Управление знаниями и объектами интеллектуальной собственности как фактор развития инновационной деятельности в высшей школе // Инновационная деятельность. 2008. №5–1. С. 68–70.
10. Васильев В.Л., Шигапов З.Г. Институциональные аспекты организации продвижения инновационного проекта на рынок в Республике Татарстан // V Спиридоновские чтения. Актуальные проблемы современной экономики России. Международная научно-практическая конференция 2 февраля 2007 г. Сборник материалов. Казань: Изд-во НПК «Рост», 2006.
11. Официальный сайт проекта «Вычислительная гидромеханика, структурная механика и аэроупругость летательных аппаратов», договор № 11.G34.31.0038 (<http://220.kai.ru/ru>)

Modern challenges of innovation development of a high school (illustrated by the example of Kazan state national research technical university named after A.N. Tupolev – KAI)

R.R. Faizullin, Doctor of technical science, professor, head of research KNITU-KAI

Z.G. Shigapov, PhD in Physics and Mathematical Sciences, head of management Innovation, Director of Center for Technology Transfer KNITU-KAI

V.L. Vasiliev, Ph. D in economics, Docent, Head of management innovation department KNITU-KAI in Elabuga

A.V. Bakaeв, deputy Head of management innovation KNITU-KAI

The article describes the current program to support innovation of high school. The stages of the formation of the national innovation system and internal innovation infrastructure are examined. An analysis of the innovation potential of the university and funding research are shown. The problems of innovative development and its solutions are formulated.

Keywords: research and development, investment, program development, innovation infrastructure, funding research, direction of innovation support.

Проблемы трансформации рентно-сырьевой модели российской экономики

Л.Н. Даниленко

к. э. н., доцент кафедры финансов и кредита,
Псковский государственный университет
daniluda@rambler.ru

В статье оцениваются подходы и обосновываются предложения по модернизации рентно-сырьевой экономики России. По мнению автора, особое внимание следует уделять системно-рациональному освоению территориального пространства страны на базе неиндустриализации, связывающей прогрессивные технологии с традиционными секторами экономики. Базой для модернизации должен быть сырьевой сектор экономики, что требует коррекции налоговой системы в направлении переориентации финансовых потоков с оффшоров на развитие отечественной индустрии, подъем сельского хозяйства, социальной сферы; условием — минимизация возможностей рентоориентированного поведения хозяйствующих и политических субъектов.

Ключевые слова: модернизация, деиндустриализация, рентно-сырьевая экономика, интеграция, регион, диверсификация, рентные доходы, налоги.

Часть 1. Оценка подходов к модернизации российской экономики

Заметно возросший в 2000-е гг. в научном сообществе интерес к проблематике рентно-сырьевой модели развития российской экономики объясняется не только ее недостаточной теоретической проработанностью, но и прагматичными причинами. *Перспективы на жизнь очень мрачные*, поется в одной старой песне. Схожее видение будущего России мы отмечаем у значительного числа исследователей. Вот лишь несколько примеров.

В посткризисные годы Россия перешла на сниженную траекторию экономического роста, когда ВВП в лучшем случае будет увеличиваться на 4–4,5% в год, считает академик А. Аганбегян. Это замедление является не временным отступлением от привычных темпов роста, а «долговременной реальностью при сложившейся социально-экономической модели», которая себя изжила и не способна обеспечить опережающее развитие страны по сравнению с другими странами. Сохранение сырьевой модели российской экономики означает, что Россия будет развиваться примерно такими же темпами, как мир в целом, или даже стагнировать [1].

По мнению академика Н. Лапина, «стагнация не только возможна, но и осуществляется с середины предыдущего десятилетия» [20]. Рост же мировых цен на продукцию российского сырьевого экспорта просто отодвигает сроки конца спада воспроизводства на неопределенное число лет.

«Нет, к сожалению, оснований хотя бы допускать, что при сохранении нынешних тенденций деградации экономики и производства, науки и образования наша страна не то что модернизируется, но и вообще сохранится как единое суверенное целое даже во вполне обозримой и предвидимой перспективе», пишет Ю. Болдырев [5]. Ученый выдвигает тезис об императивности «даже не «диверсификации» экономики (как неотъемлемой составляющей ее «модернизации»), а просто «депримитивизации» народного хозяйства».

С точки зрения западных экспертов, «деиндустриализация России, вызванная распадом советской производственной системы, является экзогенным процессом», а ее истоки «носят скорее политический, чем экономический характер» [4].

По нашему же мнению, деиндустриализация российской экономики обусловлена процессами и отношениями, присущими рентно-сырьевой (экспортно-сырьевой) модели экономики, то есть носит эндогенный характер. Рентно-сырьевая экономика, сложившаяся в России, представляет собой модель деиндустриализации, зависимости от внешней конъюнктуры и иностранного капитала, слабых институтов и человеческого капитала, рентоориентированной мотивации и образа действий хозяйствующих и регулирующих субъектов. Характерными чертами такой модели являются следующие:

— на *микроуровне*: огромный разрыв между интересами руководства предприятий и интересами

трудовых коллективов; необоснованно высокие различия в оплате труда руководителей и исполнителей; различные источники и факторы формирования доходов и благ для руководителей и работников; «потребление» на рабочем месте, способы, формы и объемы которого зависят от места, занимаемого субъектом в хозяйственно-административной системе; short-termism, как характеристика временной ориентации принятия хозяйственных решений; деформация в хозяйственной мотивации и деятельности собственников, менеджеров, работников;

- на *макроуровне*: тотальная неэффективность, с общесистемной точки зрения, использования общественных ресурсов; резкое снижение качества человеческого капитала и интеллектуального потенциала страны;
- на *социальном* уровне: углубление социальной стратификации; снижение нравственного уровня населения; потеря социальных ориентиров;
- на *политическом* уровне: коррупция (причем, на всех уровнях власти и управления), укрепление авторитаризма и наступление на демократические ценности.

Анализируя мировые прецеденты, ученые указывают на два возможных выхода из тупиковой для России рентно-сырьевой модели развития. *Первый* вариант предполагает создание национального многоотраслевого промышленного комплекса, с опорой на внутреннюю минерально-сырьевую базу, как конкурентное преимущество. По этому пути развиваются экономики США, Канады, по этому пути шел Советский Союз. «Пример развития США подтверждает, что запасы нефти и газа выступают крупным конкурентным преимуществом для страны, если осуществляется продуманная стратегия индустриально-технологического развития экономики, включая в качестве составного звена эффективное использование рентного ресурса», отмечает В.Рязанов [25].

Второй вариант демонстрируют страны «более скромных экономических масштабов» (Великобритания, Австралия), сумевшие построить «эффективную систему органичного встраивания нефтяного (газового) комплекса в национальную экономику через создание собственной эффективной финансовой системы, способной успешно абсорбировать масштабные рентные доходы, которые затем использовались, в том числе для поддержки и развития отраслей готовой продукции» [26].

Для современной России выбор в пользу первого варианта означает необходимость реализации стратегии *новой индустриализации* экономики (реиндустриализации, неоиндустриализации); предпочтение второго варианта означает курс на *финансирование* (финансиализацию) экономики.

Вместе с тем, движение и в том, и в другом направлении труднореализуемы. Ведь если экономическая политика, проводившаяся российскими властями на протяжении последних (уже более десятка) лет, так и

не привела к неоднократно заявляемым структурным изменениям в экономике, то едва ли ее продолжение обеспечит кардинально иные результаты в будущем. И дело не только в политике — в основе политики всегда лежит та или иная идеология. «Нет никаких оснований для надежд построить новую экономику в течение последующего десятилетия на основе сохранения верности той идеологии (рыночного либерализма. — Л.Д.), которая помешала прогрессу в прошлые два десятилетия», утверждает А. Амосов [2]. Соглашусь с мнением ученого.

В качестве образца для подражания, западные специалисты предлагают свое видение *реиндустриализации*, утверждая, что оно может послужить примером для России, которой предстоит модернизировать промышленный комплекс, с учетом вхождения в систему международной конкуренции. В понимании Ж.-П. Бландиньера, реиндустриализация означает конец кейнсианской макроэкономической политики, снижение значимости регулирования внутреннего спроса. «Отныне заработная плата и затраты на услуги коллективного пользования... рассматриваются как затраты, способные подрывать конкурентоспособность отечественных предприятий... Реиндустриализация в Европе (заметим, рекомендуемая как эталон. — Л.Д.) — результат решений и действий, вытекающих из логики рынка», пишет исследователь [4].

Но подходит ли России такая логика? Ведь она не несет в себе так необходимых стране идей, имеющих высокие смыслы, консолидирующих общество, связывающих разрозненное сегодня социально-экономическое пространство в единое целое. Логика рынка — это логика наживы, вседозволенности для богатых, сокращения, и без того урезанных, общественных функций. Тем более что в России строить новую экономику мешает именно «идеология погони за наживой, сопряженной с безответственностью и бездуховностью во всех сферах» [2].

Убежденность сторонников государственного либерализма и рыночно-фундаменталистских догм в безупречности логики рынка, очевидно, базируется на теоретических представлениях о стремлении рыночной экономики к идеальному состоянию макроэкономического равновесия, в котором достигается максимум эффективности благодаря оптимальному использованию всех ресурсов. И хотя и теоретически, и практически давно обоснована неадекватность аксиом классической экономической науки современным реалиям, упор на «невидимую руку рынка» по-прежнему используется в качестве основного аргумента в пользу устранения государства от решения проблем социально-экономического развития. Следствием

такого подхода неизбежно становятся «систематические ошибки в экономическом прогнозировании, неверная постановка реформационных задач, провалы в достижении декларируемых целей, примитивизация структуры и деградация технического уровня народного хозяйства, утрата целостности последнего и распад его на фрагменты, поглощаемые более мощными внешними хозяйствующими субъектами» [23].

По мнению С. Губанова, бесполезно связывать перспективу какой-либо модернизации российской экономики с экономической системой, сложившейся в пореформенной России в результате следования *неоэвальрасианскому императиву*¹. Российская экономика — это экономика физических лиц-временщиков, в которой «архитектура» бизнес-компаний направлена на вывод и реализацию активов в интересах отдельных собственников, констатирует Г. Клейнер [18]. Такая экономика не имеет элементов прогрессивного саморазвития. Россия сможет отойти от *сырьевой модели* развития, лишь создав вертикально-интегрированную экономическую систему с базисом в виде государственно-корпоративной собственности. В современной экономике именно вертикальная интеграция собственности обеспечивает эффективное распределение добавленной стоимости в интересах всего общества, достижение конкурентоспособности и устойчивости развития [9].

Соглашаясь в целом с мнением уважаемых ученых, следует, тем не менее, уточнить один момент. В индустриальной экономике вертикально-интегрированные «конструкции» действительно выступают фактором повышения конкурентоспособности. В «старой экономике» издержки ведения бизнеса (расходы фирм на поиск и обмен информацией, на мониторинг внутренней и внешней среды, на переговоры и обеспечение взаимодействия и т. п.) достигают, по оценкам исследователей, 50–60% общих издержек [13]. Во второй половине XX века именно стремление к уменьшению транзакционных издержек подталкивало фирмы к формированию различных вертикально-интегрированных структур (холдингов, ФПГ, ВИК). Но *новая экономика* меняет стратегию корпоративного строительства. Web-практики новой экономики позволяют снижать транзакционные издержки в разы, в результате чего отпадает необходимость в жестких вертикальных связях и структурах. Позиционируя себя в новой экономике, фирмы «снимают с себя» все лишнее, оставляя за собой только ключевое, концентрируясь на профилирующей деятельности. Тем самым, уменьшается диверсификация бизнеса, а «стародавний спор об оптимальной структуре хозяйства вновь диалектически разрешается в пользу отраслевой структуры» [13].

¹ Неоэвальрасианский императив требует признания нацеленности всех частных собственников на максимальную рентабельность производства и промежуточного, и конечного продукта (*принцип максимума частной краткосрочной прибыли*); признания идеи, что общее макроэкономическое равновесие достижимо путем обеспечения максимальной рентабельности каждым собственником на каждом рынке отдельного товара (*глобальный максимум есть сумма локальных максимумов*); само рыночное хозяйство рассматривается как децентрализованное хозяйство, то есть оно «рассыпается» на рынки каждого товара и собственники на этих рынках следуют ценовым сигналам рыночного саморегулирования (*собственников связывают только спорадические отношения купли-продажи*) [10].

Например, влияние электронного рынка на экономическую деятельность американских автомобильных ТНК проявилось в том, что эти корпорации выделили из своего состава большинство производственных подразделений, сосредоточившись на развитии собственно автомобилестроительного бизнеса. Отпочковавшиеся от них в 1999–2000 гг. крупные объединения поставщиков комплектующих Delphi и Visteon сегодня занимают первые места в списке независимых производителей автомобильных комплектующих. Американские ТНК изменили также систему взаимоотношений с дилерами: дилеры несут полную финансовую ответственность за результаты своих операций, тогда как раньше она распределялась между производителями и уполномоченными продавцами [7].

В России же, напротив, прослеживается корпоративная стратегия, нацеленная на диверсификацию активов и не связанная с концентрацией ресурсов на профильной деятельности. Например, интересы ОАО «Газпром» распространяются и на химическую, и на металлургическую, и на шинную отрасли, даже на телевидение и спорт, при пренебрежении к развитию профильной ресурсной базы. Инвестиционное правило о возможности сбережения яиц, раскладывая их по разным корзинам, хорошо для финансовых инвесторов, но вряд ли им следует руководствоваться в условиях глобальной конкуренции на реальных рынках.

Инструментом выживания в глобальной экономике является точно выбранная специализация. В современном мире важно быть оригинальным, уметь делать что-то такое, что трудно симитировать; специализироваться нужно на том, что нельзя скопировать. Это тем более верно в условиях, когда многовариантность развития только нарастает. Ведь не существует некой *универсальной* новой экономики. Например, современная американская модель экономики (впрочем, как в свое время и «старая» индустриальная) ориентирована на массовое производство. Бренды Nike, Microsoft, Coca-Cola — это бренды массового производства и потребления, отличающиеся глобальным масштабом продаж. Напротив, западноевропейская модель экономики уходит от массового производства. Европейские бренды Gucci, Prada, Rolls-Royce максимизируют добавочную стоимость на индивидуализации потребления. Их продукция предназначена для подчеркнута узкого сегмента рынка и не приемлет массовости.

Европа переходит к ремесленничеству, то есть к работе руками и головой, но на передовом технологическом уровне, обращает внимание В. Иноземцев [16]. В результате, несмотря на то, что во второй половине XX века мировые центры текстильного производства переместились в Азию, а Китай даже стали называть «мастерской мира», ведущими игроками на рынке одежды и обуви сегодня по-прежнему остаются Италия и Франция. Эти страны «задают тон», определяют стандарты моды и благодаря этому контролируют верхний сегмент рынка, в котором одежда и обувь выступают уже не в качестве дистрибутивного,

а в качестве статусного товара. Статусные же товары не предполагают массовости своего производства, зато предполагают постоянное обновление модельного ряда, поддержание высокого качества товара, использование нестандартных технологий, квалифицированной и креативной рабочей силы. Если бы текстильное и кожевенно-обувное производство в Италии и Франции развивалось по пути массового производства, отрасли едва ли избежали бы маргинализации в современной глобальной экономике.

Если обратиться к опыту Японии, то, что лежало в основе японского экономического чуда в 1960–1980 гг.? Что было японским *know how*? Совсем не способность японцев создавать инновационные разработки новых товаров (они создавались в США и Западной Европе), а способность доводить качество производства этих товаров до степени совершенства. Именно высочайший уровень качества исполнения и функциональности стал ассоциироваться у потребителей с надписью на изделии *made in Japan*.

Сегодня точно выбранная специализация является «противовесом» и аутсорсингу, и стратегии постоянного снижения издержек. В этой ситуации, как замечают отечественные авторы, «особый вид венчурного бизнеса, развившийся в России, — покупка недооцененных компаний с целью их выгодной перепродажи — также бесперспективен» [13].

Многие исследователи надеются на позитивный эффект усилий по экономической интеграции на постсоветском пространстве и полагают перспективным создание совместных ТНК, общего рынка, единой валюты стран СНГ. Например, обосновывая вывод о необходимости проведения в России стратегической национализации, С. Губанов отмечает, что она «явится тем базисом, который позволит в плановом порядке восстановить взаимовыгодное инфраструктурное, валютное, ценовое, налоговое, экономическое и системное единство стран СНГ, синхронизировать их интеграционное движение по пути новой индустриализации» [8].

В этой связи нельзя не коснуться некоторых вопросов интеграционной проблематики. Интеграционные процессы в своем развитии проходят несколько последовательных стадий, влияя при этом на качество как национальных, так и мировой экономики, формируя их новый облик, и, следовательно, требуют осмысления, то есть понимания причин, природы этого феномена, его прогнозирования.

Эксперты отмечают, что чем глубже вникаешь в проблематику экономической интеграции, тем больше возникает вопросов [30]. Например, почему в Западной Европе интеграция национальных хозяйств, хотя и не без проблем, продвигается все дальше, тогда как в большинстве развивающихся регионов мира, несмотря на длительные (по 40–50 лет) усилия, процесс интеграции либо «не подает признаков жизни», либо находится в латентном состоянии? Почему все попытки реинтегрировать постсоветское экономическое пространство реально ни к чему не привели

ни в формате 12 стран СНГ, ни в рамках «пятерки» ЕвразЭС (Россия, Белоруссия, Казахстан, Таджикистан, Киргизия), ни в российско-белорусском Союзном государстве? Чего не хватает? Видимо, того же, чего недостает торгово-экономическим объединениям большинства развивающихся стран.

Практика Европейского Союза, НАФТА и других межгосударственных интеграционных альянсов свидетельствуют, что реальное интегрирование той или иной группы стран становится возможным лишь тогда, когда эти страны достигают *необходимого уровня интеграционной зрелости*. В экономике это достаточно высокий уровень развития обрабатывающей промышленности, способность производить широкий ассортимент готовых изделий, что обеспечивает диверсификацию экспортно-импортных операций страны, ее глубокую вовлеченность в международное разделение труда и международное производственное кооперирование, а так же хорошо развитая финансовая инфраструктура. В *политике* — прочно устоявшаяся демократия с четким разделением властей и верховенством закона, что делает предсказуемым поведение страны на международной арене и обеспечивает ей необходимую степень доверия со стороны партнеров по блоку.

Экономическое интегрирование таких стран — не только возможно, но и неизбежно. Интенсивная торговля между ними, особенно если она сопряжена с прямыми кооперационными связями, создает предпосылки для перекрестного инвестирования и международного переплетения капиталов, для активных кредитно-расчетных отношений. Все это обрастает финансово-банковской инфраструктурой, комплексами коммерческих и правовых услуг. В результате высокоразвитые национальные хозяйства постепенно сращиваются друг с другом *на микроэкономическом уровне*. На такой почве возникает настоятельная потребность в координации внешнеторговой, налоговой, кредитной и иных аспектов макроэкономической политики соответствующих государств, создаются платежные, таможенные, валютные союзы. То есть, «под напором снизу», со стороны самой экономики складываются межгосударственные и надгосударственные институты интеграционного характера.

Страны же в менее развитых регионах могут предложить друг другу ограниченный перечень товаров, главным образом аграрных или топливно-сырьевых. Кроме того, в силу технологической отсталости эти страны производят товары с относительно большими затратами трудовых ресурсов. Но труд в этих странах одинаково дешев, что не позволяет использовать разницу в его оплате как конкурентное преимущество в производстве однотипных товаров. Гораздо явственнее эти преимущества проявляются в торговле таких стран с более развитыми партнерами, где стоимость трудовых ресурсов намного выше.

Мировой опыт убедительно свидетельствует, что реальное экономическое интегрирование невозможно ни между аграрно-сырьевыми национальными

хозяйствами, ни даже между теми, которые освоили первые ступени индустриализации. Их национальные структуры производства и экспорта не столько взаимно дополняют друг друга, сколько конкурируют между собой, и потому не притягиваются друг к другу, а отталкиваются. Они просто не созрели для интегрирования.

Есть и другая сторона интеграционной зрелости. В ходе нарастающей взаимосвязанности национальных экономик неизбежно происходит их «открывание» по отношению друг к другу (в производственном, торговом, правовом, политическом аспектах). За определенным пределом, *количество* открытости национальных хозяйств перерастает в новое *качество*, когда государствам-членам приходится самоограничивать свою хозяйственную автономию, согласовывать со странами-партнерами вопросы проведения макроэкономического регулирования национальной экономики, а также создавать коллективные контрольные институты для пресечения нарушений государствами-членами взятых на себя обязательств в той или иной области. Все это возможно лишь при наличии высокой степени *доверия* интегрирующихся стран друг к другу, их уверенности, что партнеры не используют наднациональные властные структуры в своих интересах. Поэтому интегрирование государств с авторитарными режимами очень проблематично, если не исключено полностью: поведение их руководителей не поддается прогнозированию, от них можно ожидать нарушения любых достигнутых договоренностей и попрания правовых норм.

Не достигшие экономической и политической зрелости страны не в состоянии интегрироваться, как бы не стремились к этому их руководители, какие бы соглашения они не заключали, какие бы межгосударственные организации с этой целью не создавали. Реальная интеграция не может быть навязана сверху. По этой причине десятки учрежденных в 1960–1970-е гг. в Латинской Америке, Африке, Азии зон свободной торговли и таможенных союзов «скорее мертвы, чем живы». Реальный интеграционный процесс наблюдается лишь в единицах (АСЕАН, МЕРКОСУР).

В основном по тем же причинам уже два десятка лет терпят фиаско все попытки реинтегрировать экономику стран СНГ. *Во-первых*, большинство из них находятся на ранних стадиях индустриализации и являются скорее аграрно-индустриальными, чем промышленно развитыми. Ю. Шишков считает, что почти все страны (кроме России, Украины и Белоруссии) являются аграрными, так как по удельному весу обрабатывающей промышленности в структуре их материального производства, а тем более по доле техномехки производств, они существенно отстают от основных участников АСЕАН и МЕРКОСУР, а по доле сельского хозяйства более чем вдвое их превосходят [30]. Поэтому большинство государств СНГ, за исключением, может быть, Армении и Казахстана, даже через 10 лет вряд ли достигнут интеграционной зрелости. *Во-вторых*, трансформация национальных

экономических систем стран СНГ в сторону рынка до сих пор не завершена и осуществляется весьма асинхронно. В результате, дивергенция между национальными хозяйственными механизмами во многих случаях стала еще глубже, чем это было в первой половине 1990-х гг. «Втискивать» это многообразие моделей хозяйствования в единые для всего СНГ стандарты — дело безнадежное. В-третьих, в большинстве стран упрочиваются авторитаризм и произвол бюрократии, а интегрирование таких политических режимов весьма проблематично.

Все эти факторы обуславливают объективную невозможность реальной интеграции стран СНГ в среднесрочной перспективе. Вот что говорил о кризисе Содружества бывший украинский президент Л. Кучма: «На уровне же СНГ мы часто собираемся, говорим, что-то подписываем, потом разъезжаем — и все забыли... Если нет общих экономических интересов, для чего оно нужно? Остается одна вывеска, за которой мало что есть» [28].

Что касается российско-белорусского Союзного государства, то за годы его «продвижения» (а история началась еще в 1996 г.) выработалась традиция муссировать идеи-фантомы (например, идея единого валютного пространства), воплощение которых, якобы, состоится «буквально на днях». Что, вообще говоря, не удивительно, поскольку российско-белорусское интеграционное объединение с самого начала проходило в условиях превалирования политики над экономикой и, что еще хуже, превалирования личных целей высшей чиновничьей номенклатуры, стремящейся всеми способами остаться у власти, над целями интеграции.

В июне 2009 г. главы правительств Белоруссии, Казахстана и России приняли решение завершить формирование Таможенного союза. Функции администрирования единой таможенной территории возложены на первый в постсоветской практике управления наднациональный орган, которому государства-члены делегировали свои суверенные функции в отношении проведения внешнеторговой политики — Комиссию Таможенного союза. Обращает на себя внимание специфичность структуры этого союза. В 2008 г. ВВП трех стран суммарно составил 1,766 трлн. долл., притом, что на долю России приходилось 88,3%, Казахстана — 7,3%, Белоруссии — 4,4%, то есть имеет место беспрецедентное в истории таможенных союзов экономическое доминирование одного из участников. Белоруссия же, в отличие от России и Казахстана, не является государством с рыночной экономикой и многие отрасли ее национального законодательства (гражданское, налоговое, финансовое и др.) за постсоветские годы так и не сблизилась с российским [3]. Кроме того, номенклатура экспорта Белоруссии сегодня совпадает с российской номенклатурой на 60%, а Казахстана — даже на 90%, что предопределяет жесткую конкуренцию в рамках Таможенного союза [14]. Но если в интеграционном процессе участвуют относительно малоразвитые стра-

ны со сходными структурами экономик, но разными экономическими механизмами, разным пониманием национальных интересов, различной идеологической и стратегической направленностью развития, то потенциал интегрирования таких стран не высок. В подобных случаях едва ли можно ожидать реального положительного результата, кроме как бесконечного обсуждения самой идеи интеграции лицами, заинтересованными не в том, чтобы *решить* проблему, а в том, чтобы ее *решать*.

Таким образом, с нашей точки зрения, России следует не тешиться иллюзиями и не потворствовать рентному поведению своих чиновников, нашедших в идее интеграции еще одну «кормушку», а искать резервы развития «внутри себя», не надеясь на мифические мультипликативные эффекты интеграционного взаимодействия (особенно в свете новейших событий в рамках Европейского Союза).

Похоже, что главная слабость всех дискуссий по поводу будущего России заключается в попытке найти решение экономических проблем в старой логике — *business as usual*. Согласно этой логике, технологические инновации являются панацеей, обеспечивающей стабильное «экономическое здоровье» как на микро, так и на макроуровне. Представления о всемогуществе НТП и технологических инноваций создают иллюзию безграничных возможностей экономического роста. Но технократические решения сами по себе недостаточны. Экономический рост относится к категории экспоненциальных процессов, а они предельны: безграничный рост в ограниченной и невоспроизводимой среде невозможен; его реальные физические границы детерминированы емкостью природных экосистем Земли, способностью ее природных комплексов к хозяйственным нагрузкам.

С. Яцкий обращает внимание, что «еще ни одной стране не удалось сформировать устойчивый экономический рост за счет использования технологической квазиинтерности» и полагает сомнительной идею «перманентного инновационного развития и так называемой «инновационной экономики» как устойчивой характеристики хозяйства». «Даже... диверсифицированная и «инновационная» экономика сама по себе не обеспечивает гарантированного устойчивого экономического роста и не устраняет ее рентный характер и неравномерность развития», считает ученый [34].

Действительно, мировой кризис 2008–2010 гг. показал, что вся инновационная технологическая система не работает; что искусственная инновационность экономики приводит к накоплению дисбалансов; что существует прямая связь между стимулированием инновационной активности и биржевой капитализацией экономики стран, которые в предкризисные годы демонстрировали высокие показатели инновационной активности и ставились в пример (Ирландия, Италия, Португалия).

Последние 300 лет в развитых странах властвовал главный принцип капитализма — *сберегайте и накоп-*

ливайте, то есть *вкладывайте*. Но капитала в мире сегодня накоплено гораздо больше, чем возможностей его эффективного применения (потому и надуваются финансовые пузыри). Сегодня механизм накопления ломается: непонятно *куда* вкладывать деньги, *зачем* копить? А отсюда проблема — ради чего трудиться? Надо создавать новую систему эффективных мест приложения капитала. Нужны новые *социальные технологии*, новые способы *мотивации* людей.

К схожему выводу приходит и Д. Норт. Нобелевский лауреат отмечает, что экономическая эволюция привела к смещению ее фокуса: в прежние годы (столетия, тысячелетия) усилия человечества были направлены на развитие производственных технологий, а в наши дни они сместились в сторону формирования эффективных социальных технологий [22].

Отечественный исследователь Л. Иванова, выделяя подходы к проведению российской модернизации, с целью формированию новой модели развития экономики, среди технократического, научно-технического, институционального, монетарного подходов называет *социальный* (правда, упоминая его в последнюю очередь), предполагающий «сохранение и развитие социальной сферы как важнейшего фактора приумножения человеческого потенциала, который, с одной стороны есть цель, а с другой — условие прорыва всей социально-экономической системы» [15].

По оценкам С. Кимельмана, для «богатой природными ресурсами России приемлема плано-интегрированная ресурсно-перерабатывающая модель экономического развития... социальная по направленности, созидательная и справедливая» [17].

С. Глазьев отмечает как императив утверждения в российской экономике нового технологического уклада (имеющего, заметим, гуманитарный характер и предъявляющего высокие требования к системе воспроизводства человеческого капитала), «сохранение государственного контроля, регулирования и финансирования сфер здравоохранения, образования и культуры» [23].

Приведенная посылка является определяющей и в нашей позиции. Она становится существенной в условиях, когда глобальный финансово-экономический кризис 2008–2010 гг. выявил новые экономические проблемы и структурные дисбалансы, как в национальном, так и в мировом масштабе. Попытки осознать эти проблемы оживили дискуссии о новой модели роста экономики, разработка которой требует интеллектуального осмысления. В США появился даже специальный термин для обозначения предмета дискуссий — *New Normal* (новая нормаль) [31]. Поскольку, согласно распространенной оценке, именно из финансового сектора исходит основная угроза стабильности, *New Normal* предполагает адекватную модель глобального финансового регулирования. На поверхности мы видим сбой в финансовых системах рыночных стран, но что за ними стоит?

По мнению С. Губанова, расширение масштабов фиктивного монетарного рынка является признаком

исчерпанности перспективы капитализма, как общественной системы, и рыночной экономики, как экономической структуры [11].

Рыночная (капиталистическая) экономика является историческим феноменом, возникшим на определенном этапе развития общества. Но, как любой социально-экономический институт, она имеет пределы своего восхождения и применимости. Рынок, зародившийся в XVIII веке, был хорош при ограниченных, но не редких ресурсах и возможности экспансии на новые территории. В наши дни ситуация изменилась кардинально. К экономическому развитию подключились развивающиеся страны (азиатские, латиноамериканские, африканские), для многих из которых наступило их *Новое время*.

Исследователи характеризуют капитализм, возникший в развивающихся странах, как *периферийный капитализм*. От капитализма развитых стран он отличается не только степенью развития, но и моделью способа производства и распределения благ. Капитализм «центров» (Запада) возник и развивался на национальной почве как длительный, органичный процесс постепенного и постоянного роста накоплений. Этот процесс не был «проектом», в основе которого лежала бы заранее заданная цель и разработанная модель. Он явился естественно-историческим следствием трех феноменов — Возрождения, Реформации, Просвещения. В странах «задержавшихся» с развитием рыночных отношений (в том числе, и постсоциалистических), капитализм возник и развивается как *имитационная модель*, через вливания иностранного капитала, технологий, идеологий. В этих странах нет взаимной увязки развития элементов социально-экономической модели: различные элементы развиваются асинхронно, неравномерно. Особенно медленно развивается социокультурный элемент (на его развитие уходят десятилетия). Для таких стран проблема ускорения социально-экономического развития представляется как реализация варианта *догоняющей Запад модернизации*. Несовпадение же модернизирующихся стран с западным стандартом трактуется как незавершенная модернизация.

Вместе с тем, многие авторитетные специалисты отмечают, что модель модернизации, догоняющей Запад, как *единственно* достойный образец, в нынешнем веке перестала быть актуальной. В наши дни заимствование чужого опыта происходит не только под флагом вестернизации, но и истернизации, и креолизации. Например, по мнению Д. Лэйна, для России более подходящим примером для подражания «является скорее стейтистский Китай, чем неолиберальный Запад» [21]. Это тем более верно, что сегодня Запад сам нуждается в модернизации, чтобы перейти в новую современность. Попытки же внедрения каких-либо институтов по западному образцу обычно не приводят ни к торжеству закона, ни к обеспечению безопасности и правопорядка, ни к экономическому прогрессу.

Более того, мировая практика показывает, что ориентация на рынок как средство решения системных проблем абсолютно бесперспективна, если в стране отсутствует *интеллектуальная база рыночных отношений*. А. Зиновьев писал: «Западный тип общественного устройства... дал положительные результаты лишь в немногих странах мира, а именно — лишь в странах Запада с определенным человеческим материалом. Для подавляющего большинства народов планеты он оказался либо гибельным, либо обрек их на роль придатков и сферы колонизации Запада» [27].

Отечественный исследователь О. Яницкий, на вопрос, по силам ли России реализация модернизации западного образца, дает отрицательный ответ и связывает его с отсутствием требуемых ресурсов (организационных, институциональных, человеческих, мотивационных), которые «нельзя декретировать — их можно только выращивать, на что требуется политическая воля, время и средства». Нужно наращивать «культурный гумус», а дело это долгое: подчеркивает ученый [33].

В условиях, когда внедряемая в России модель свободного рынка себя не оправдывает, главной становится проблема формирования *российской модели хозяйствования*. Вопрос об особенностях российской модели экономики широко обсуждается в экономической литературе. «Экономика и общество в России продолжают пребывать в... переходном состоянии. В данном смысле нельзя считать, что выбор курса на формирование в нашей стране... рыночной экономики западного типа сделан окончательно», отмечает Г. Явлинский [32].

Многие ученые считают, что реализуемая модель экономического развития долговременных перспектив не имеет, а по ряду основных направлений экономической политики необходимо осуществление контрреформ. Контрреформы представляют собой защитную реакцию самой системы в ситуациях, когда привносимые в общественно-экономическое устройство усовершенствования или новации противоположны ее природе, не соответствуют сложившимся условиям и традициям хозяйствования. В контрреформаторском движении уже по определению содержатся реставрационные мотивы и «если такие реставрационные стремления возобладают, то можно ожидать, что социалистическое плановое хозяйство имеет шанс возродиться», считает В. Рязанов [27].

Как ни кажется маловероятным сегодня данный сценарий развития, он существует. Вот мнение американского исследователя Д.М. Котца: «Государственный социализм рухнул не вследствие его экономической неэффективности или неререформируемости, а из-за отречения от него собственной руководящей верхушки... Первая попытка построения социализма дала сильно искаженный его вариант» [19]. Вместе с тем, неудачный опыт не является свидетельством ложности исходной концепции социализма как социально-экономической системы, основанной на эконо-

мическом планировании и общественной собственности на средства производства.

С другой стороны, отрицание западно-капиталистического варианта хозяйственного устройства не сводится только к обратной социалистической трансформации. Тем более что Россия уже достигла определенного уровня вестернизации и усвоения западного опыта, что, с нашей точки зрения, следует рассматривать не как препятствие, а как фактор, способствующий развитию. Более предпочтительным нам представляется сохранение рыночного потенциала в нынешних процессах и создание *национально-ориентированной* (не путать с «почвенной», славянофильской) и *регулируемой* экономической системы смешанного типа. Реализация национальной модели модернизации позволит не игнорировать специфическую социально-культурную среду, а опираться на нее. Примером успешной реализации национальной модели модернизации является Япония, Китай, Южная Корея. Япония, к слову, ориентируется и на национальную модель потребления: страна не пошла по пути общества консьюмеризма.

Однако при формировании национальной модели хозяйства возникают немалые трудности в плане ее практической осуществимости. Ключевой проблемой обеспечения сбалансированного развития национального хозяйственного механизма является проблема совместимости и сочетаемости различных территориально-хозяйственных укладов. Их разнообразие связано не только с объективными свойствами произведенного и природного капитала, отношениями собственности и т. п., но также со спецификой человеческого капитала, которая исторически складывается в соответствии с ландшафтными особенностями и этнической структурой населения.

Российские ученые оценивают актуальность проблемы модернизации совершенно по-разному для различных регионов России. Например, Г. Вайнштейн главный аспект социальной неоднородности российского общества видит в его многоукладности, одновременно существовании в нем «по сути дела разных общественных формаций». Профессор отмечает, что неоднородность страны проявляется в «глубоких общественных... технологических, инфраструктурных, социально-психологических и культурологических различиях между «Центром» и «Периферией», раскалывающих страну по разным направлениям». И если для «Центра» проблема модернизации является актуальной, то «для многих регионов «Периферии» актуален скорее конфликт общественного уклада, напоминая средневековье, и нового времени» [24].

Действительно, жизнь в разных уголках Российского государства сегодня протекает не только в различных социально-культурных контекстах, но и в разных временных эпохах: Москва живет в XXI веке, региональные центры — в XX, сельские районы европейской части страны — в XIX веке, а отдельные окраинные территории недалеко ушли от родового

строга². К примеру, в 2007 г. самый высокий индекс человеческого развития, среди всех регионов нашей страны, был у Москвы — 0,907, что сопоставимо с Германией или Италией. Наименьший индекс был у Республики Тыва — 0,691, что соответствует уровню Таджикистана [29]. По нашему мнению, данный фактор предопределяет, во-первых, принципиальную невозможность осуществления некоей общей, единой стратегии модернизации страны, а, во-вторых, скорее приоритетность и первоочередность реализации мер по преодолению архаизма «Периферии», нежели проектов по превращению Москвы в международный финансовый центр.

В подтверждение такого вывода сошлемся на оценки С. Глазьева, по мнению которого, в России сложилась *колониальная модель* развития и размещения производительных сил, в рамках которой наиболее выгодные виды экономической активности и интеллектуальной деятельности стягиваются к центру. «Эта модель хорошо известна в Африке, Латинской Америке, где на гигантской нищей территории образуются крупнейшие города, мегаполисы, в которых сосредоточено продвинутое и активное население» [6]. Академик определяет эту модель как *колониальную*, потому, что причиной концентрации деловой активности в центре является его связь с внешним миром. Центр становится частью международной системы, в то время как основная территория страны остается в первобытном состоянии.

В принципе, для любого сложного экономического пространства характерна неоднородность. В современных условиях внутри большинства государств выделяются территории с различными экономическими укладами и соответствующим им образом жизни: аграрным, индустриальным, информационным. Уровень развития государства в целом определяется тем, какой из укладов является преобладающим. Вместе с тем, при высоком уровне неоднородности замедляется развитие всей системы. Когда в отдельных регионах одного и того же государства уклады сильно различаются, это влечет за собой далеко идущие и социальные, и экономические, и политические последствия. Рост регионального разнообразия, различий в положении, а значит и в интересах отдельных регионов порождает (или усиливает) региональный сепаратизм, особенно там, где большинство населения составляют этнические меньшинства. В крайнем варианте региональная дифференциация может привести к распаду территориальной целостности такого государства.

Дифференциация регионов по уровню экономического развития измеряется с помощью валового регионального продукта на душу населения. В 2006 г. разница между Республикой Ингушетия (минимальное значение показателя) и Ямало-Ненецким автономным округом (максимальное значение) составля-

ла 87 раз [12]. Масштабы дифференциации таковы, что даже если удастся преломить тенденцию их нарастания, на сокращение различий путем стимулирования экономического развития самых бедных регионов уйдет не один десяток лет. При этом отставание депрессивных регионов едва ли можно преодолеть за счет трансфертов, которые обеспечивают лишь минимальные социальные стандарты. Впрочем, и значительные инвестиции в экономику не приводят к желаемому росту в условиях интеллектуальной, социальной и культурной деградации общества, дефицита мобильной, квалифицированной или способной к обучению рабочей силы. В России *«закоренелая архаичность значительной части общества»* (курсив наш. — Л.Д.) по сути дела обрекает страну на деградацию или в лучшем случае — на консервацию существующей отсталости», отмечают исследователи [24].

В экономике России, носящей сырьевой характер, и «полюса роста» соответствующие. В 2011 г. около половины ВВП страны произвели Москва, Московская область, Санкт-Петербург, Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий АО, Тюменская область, подсчитали эксперты Рейтингового агентства «РИА-Рейтинг». Эти регионы являются основными донорами федерального бюджета. Примечательно, что «высокотехнологичная» Новосибирская область находится на 25 месте.

В России, таким образом, оформилась своя «Большая шестерка», в рамках которой сконцентрирована экономическая активность, формируется основная доля совокупного спроса, базируются и работают наиболее крупные предприятия. G-6 четко делится на две части: первая «сидит на газовой и нефтяной трубе» и обеспечивает приток в страну основной доли экспортной выручки, а вторая аккумулирует и распределяет эти средства, причем обе части друг без друга нежизнеспособны.

Сделаем такое заключение. То состояние глубокой неоднородности, в котором пребывают сегодня и российская экономика, и население, и регионы страны, исключает адекватную реакцию *всех* слоев социума на идущие «сверху» модернизационные импульсы, тем более что не только элиту, но и существенную долю потребительски ориентированного российского общества сложившаяся ситуация вполне устраивает. Реализация же технократической модели модернизации на базе Сколково и тому подобных экспериментальных площадок, с приглашением зарубежных специалистов для проведения «мастер-классов», превращает модернизацию в «островную». «Островной» характер модернизации еще больше увеличит дистанцию между «вестернизированной технократической элитой и подсобным классом трудящихся, удел которого быть лишь «потребителем» массовой культуры, но не создателем новых культурных ценностей» [32], между развитым центром и деградирующей перифе-

² Впрочем, подобная ситуация имела место и прежде. Вспоминается анекдот советских времен: «Вопрос: Что отделяет коммунизм от развитого социализма? Ответ: Кремлевская стена. Вопрос: Что отделяет развитый социализм от просто социализма? Ответ: Московская кольцевая автодорога».

рией. С нашей точки зрения, России нужна масштабная модернизация, охватывающая как индустриально-технологическую сферу, так и социокультурную, институциональную.

Любопытен тот факт, что в Бюджетном послании Президента РФ Федеральному собранию («О бюджетной политике в 2013–2015 годах», от 28.06.2012) слово *модернизация* вообще не упоминается, хотя о необходимости диверсификации экономики все же говорится. С нашей точки зрения, диверсификация экономики без ее неиндустриальной модернизации — нонсенс.

2-я часть статьи публикуется в №3/2013

Список использованных источников

1. Аганбегян А. О месте экономики России в мире // Вопросы экономики. 2011. № 5.
2. Амосов А. Размышления об идеологии развития // Экономист. 2010. № 7.
3. Баранов В. В ВТО — тройственным таможенным союзом: намерения и реальность // Мировая экономика и международные отношения. 2010. № 3.
4. Бландиньер Ж.-П. Реиндустриализация России: насколько пригоден европейский опыт // Экономист. 2005. № 5.
5. Болдырев Ю. Коррупция — системное свойство постсоветского российского капитализма // Российский экономический журнал. 2011. № 3.
6. Глазьев С. К вопросу о размещении производительных сил // Экономист. 2011. № 9.
7. Громов А. Формирование глобальной системы мирового автомобилестроения // Мировая экономика и международные отношения. 2005. № 7.
8. Губанов С. Вероятна ли рецессия — 2012? // Экономист. 2012. № 1.
9. Губанов С. Кризисная динамика: параметры и причины // Экономист. 2009. № 3.
10. Губанов С. Неиндустриализация плюс вертикальная интеграция (о формуле развития России) // Экономист. 2008. № 9.
11. Губанов С. Относительная прогрессивность капитализма: источник и границы // Экономист. 2011. № 1.
12. Зайцева Ю. Межрегиональная дифференциация в странах БРИК: возможности оценки // Мировая экономика и международные отношения. 2010. № 5.
13. Зуев А., Мясникова Л. Электронный рынок и «новая экономика» // Вопросы экономики. 2004. № 2.
14. Иванов И. Реальный шаг в постсоветской хозяйственной реинтеграции // Мировая экономика и международные отношения. 2010. № 9.
15. Иванова Л. К вопросу о стратегии неиндустриальной модернизации // Экономист. 2012. № 2.
16. Иноземцев В. Модели постиндустриализма: сходство и различия // Общество и экономика. 2003. № 4.
17. Кимельман С. Интегрированная ресурсно-перерабатывающая модель // Экономист. 2012. № 1.
18. Клейнер Г. Современная экономика России как «экономика физических лиц» // Вопросы экономики. 1996. № 4.
19. Котц Д.М. Крушение государственного социализма в СССР // Проблемы теории и практики управления. 1995. № 6.
20. Лапин Н. Социокультурные факторы российской стагнации и модернизации // Социологические исследования (СОЦИС). 2011. № 9.
21. Лэйн Д. Российская трансформация: становление мировой державы? // Мир России. 2010. № 4.
22. Норт Д. Понимание процесса экономических изменений. М.: Изд. дом ГУ-ВШЭ, 2010.
23. Об альтернативной системе мер государственной политики модернизации и развития отечественной экономики // Российский экономический журнал. 2011. № 4.
24. Россия: общество рисков? // Мировая экономика и международные отношения. 2011. № 10.
25. Рязанов В. От рентной экономики к новой индустриализации России // Экономист. 2011. № 8.
26. Рязанов В. Экономика рентных отношений в современной России // Христианское чтение. 2011. № 4.
27. Рязанов В. Экономическое развитие России. Реформы и российское хозяйство в XIX–XX вв. СПб.: Наука, 1999.
28. Федосов В. Интеграция России и Белоруссии // Мировая экономика и международные отношения. 2006. № 6.
29. Человеческое развитие: количественное измерение и процессы в мировой системе // Мировая экономика и международные отношения. 2010. № 8.
30. Шишков Ю. Отечественная теория региональной интеграции: опыт прошлого и взгляд в будущее // Мировая экономика и международные отношения. 2006. № 4.
31. Юдаева К. New Normal для России // Экономическая политика. 2010. № 6.
32. Явлинский Г. Какую экономику и какое общество мы собираемся построить и как этого добиться? // Вопросы экономики. 2004. № 4.
33. Яницкий О. Модернизация в России и вокруг: концепт // Социологические исследования (СОЦИС). 2011. № 5.
34. Яцкий С. Рентная экономика: политико-экономический аспект // Вестник Югорского государственного университета. 2011. Вып. 4 (23).

Problems of transformation of rental-resources model of russian economy

L. Danilenko, Candidate of Economics Science, Associate Professor of the Chair «The Finance and the Credit», Pskov State University

The article approaches evaluated and justified proposals for modernization of rent-resource-based economy in Russia. The author believes that special attention should be paid to the rational development of system-territorial space of the country on the basis of neoindustrialization linking advanced technology with the traditional sectors of the economy. Basis for modernization should be primary sector of the economy that needs correction of the tax system in the direction of the reorientation of financial flows from offshore to the development of the domestic industry, the development of agriculture and the social sphere, the condition — minimizing opportunities of rent-seeking behavior of economic and political actors

Keywords: *modernization, de-industrialization, rent-resource-based economy, integration, region, diversification, rental income, taxes.*